

УДК 338

НРАВСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА В СИСТЕМЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КООРДИНАТ

- Родина** доктор экономических наук, профессор, директор, Ярославский филиал
Галина Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Алексеевна (150003, Россия, г. Ярославль, Кооперативная ул., 12а).
E-mail: yaroslavl@fa.ru
- Блинов** доктор экономических наук, профессор кафедры «Общий менеджмент»,
Андрей Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Олегович (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49).
E-mail: aoblinov@mail.ru

Аннотация

Традиционной трактовке культуры народа как зависимой переменной от экономических и политических обстоятельств авторы противопоставляют взгляд на культуру, которая, раз сформировавшись, начинает выступать как относительно независимая переменная среди факторов социальной жизни. Она определяет способ реагирования общества на инновации. Социокультурные основания сегодняшней России коммунитарны. Поэтому на повестке дня не просто выход из очередного кризиса, не только инновационно-модернизационный прорыв, но (и это главное) – создание нравственной экономики как нового типа хозяйствования одухотворённого человека и общества и как гаранта любых реальных позитивных социальных трансформаций.

Ключевые слова: инновационное развитие, экономический рост, социокультурные традиции населения, культура, нравственная экономика.

Программы долгосрочного социально-экономического развития России, родившиеся из недр «тучной» первой семилетки XXI столетия, уже дважды в течение второй семилетки прерывались кризисами, размах и последствия которых поначалу не были оценены адекватно.

Так было в 2008 году, когда отечественные обществоведы, кивая на мировую экономику, стремительно погружающуюся из ипотечного кризиса в полноценный финансово-экономический, успокаивали: мол, России такой сценарий не грозит – она не так сильно зависит от процессов, разворачивающихся на международной арене. Однако страна неожиданно глубоко погрузилась в эти процессы и неожиданно долго и трудно выкарабкивалась наверх.

Так происходит и в настоящее время (первая половина 2015 года), когда – похоже – дно кризиса ещё не достигнуто. И вправе ли мы всё списывать на снижение мировых цен на нефть и санкции, безусловно, негативно сказавшиеся на отечественной экономике? Но только ли в этом проблема?

Прошло почти 25 лет российских реформ. Как их можно оценить? Мы считаем необходимым выделить три временных периода.

Во-первых, *90-е годы XX века* можно охарактеризовать как «утрату количества», сопровождавшуюся обрушением темпов роста.

Впрочем, казалось бы, это наследие было преодолено: 2010 год закончился с приростом ВВП на уровне 4 %. Разумеется, по сравнению с советскими темпами роста это выглядит весьма скромно, однако, с одной стороны, прогноз Минэкономразвития РФ на 2010 г. был 3,1 %; с другой стороны, в предыдущий 2009 год российская экономика показала минус 7,8 % ВВП; наконец, развитые страны (ОЭСР) показали всего 2,8% прироста, а страны ЕС – лишь 1,9 %.

Можно ли позитивно оценить второе десятилетие отечественных реформ?

Отнюдь. Во-вторых, *00-е годы XXI века* можно охарактеризовать как «утрату качества»: золотой ресурсный дождь ушёл на нецелевое расходование, т.е. не на приоритеты промышленной политики, которые игнорировались. В итоге даже положительный темп прироста ВВП обернулся проблемой *подлинности* экономического роста.

Можно ли было говорить об экономическом росте, если на фоне положительных темпов прироста ВВП *существенного обновления производственного капитала в стране не происходило*, а в ряде отраслей (даже в нефтяной!) положение ухудшалось: динамика основных фондов с учётом износа – отрицательна.

- ♦ Износ активной части основных фондов = 50-74% (по отраслям).
- ♦ Более 20 лет эксплуатировалось 75% оборудования.
- ♦ Менее 5 лет эксплуатировалось 5% оборудования (т.н. современное оборудование).
- ♦ Степень обновления фондов в промышленности не превышала 2% в год.
- ♦ Резко ухудшилась демографическая ситуация и качество рабочей силы. Ежегодно российская экономика теряла около 1 млн. трудоспособных граждан в связи с выходом на пенсию. Утрачивалась и квалификация кадров [1–2].

Именно «продавание» основных фондов стало главным источником роста ВВП в России.

Положительные темпы роста ВВП на фоне уменьшения экономического потенциала означают отрицательный потенциальный рост.

Говорить об экономическом росте применительно к наблюдавшемуся росту ВВП неправомерно. Такой рост может быть охарактеризован как *мнимый, – рост без развития.*

Поэтому, в-третьих, 10-е годы XXI века преподнесли *призрак застоя* на фоне примитивизации научно-технического потенциала, структурного загнивания и расслоения общества.

Выход виделся в **модернизации**, реально понимаемой в виде *реформы как продолжения преобразовательной деятельности, учитывающей, с одной стороны, реалии современного отечественного хозяйства, менталитет и социокультурные традиции населения, а с другой стороны, – ориентиры нового мирохозяйственного инновационного устройства.*

Отечественная обществоведческая традиция сформировалась под влиянием основного гносеологического принципа марксистской философии о первичности материи и вторичности сознания, что конкретизируется в нашем исследовании в признании первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания. Материальные отношения составляют вещественную сторону производительных сил, традиционно отождествляемых с техникой.

Тогда программа модернизационного развития России (как, впрочем, любой другой страны) высвечивается либо через создание внутренних экономических условий для стимулирования научных открытий и их внедрения в производство, в основном, через адекватное совершенствование отношений собственности на средства производства; либо через заимствование передовой западной техники, чтобы возникли современные производительные силы, что практически автоматически обеспечит формирование прогрессивных производственных отношений, гарантирующих ускоренное развитие способа производства. В принципе, достаточно «разрешить» рыночную экономику, пересадить в неё образцы западной техники, как всё «само собой» образуется. Как ни странно, исходный тезис рыночников-радикалов вполне вписывается в марксистскую методологию.

Вместе с тем ещё со времён В. Зомбарта и М. Вебера известно, что решающую роль в серьёзных общественных трансформациях играет некий дух, принципы предпринимательской этики (сегодня уместнее использовать термин «система ценностей»), принимаемые или отвергаемые обществом. Попробуем взглянуть на проблему инновационных перспектив отечественной экономики через призму социокультурной динамики России.

Мы считаем отправным пунктом анализа современного общества понятие «технология», значение которого впервые наметил ещё Аристотель, выделив две составные части: технику и определённое искусство, навык, знание. Технология, таким образом, охватывает как инструментальную систему (инструменты, машины, технические и транспортные коммуникации, т.е. технику), так и систему деятельности, детерминированную этой инструментальной системой, систему управления соответствующей деятельностью, совокупность социальных и экономических последствий, био- и социоэкологическое окружение, информационную среду, в которой эта деятельность осуществляется.

Если ключевым понятием технологии считать её техническую составляющую, то для анализа эволюции современных социально-экономических систем вполне можно воспользоваться историческим материализмом.

Если ключевым понятием технологии считать особый технологический менталитет и информационные ресурсы общества, то проблема перехода к инновационному развитию осложняется обратной связью между общественным сознанием и общественным бытием, проанализировать которую в рамках исторического материализма представляется весьма затруднительным.

Какая бы технология, – аграрно-ремесленная, индустриальная, постиндустриальная (инновационно-индустриальная, информационная или информационно-индустриальная – терминологическая дискуссия не завершена), – не квалифицировалась как прогрессивная для того или иного состояния развития общества, она должна «обрасти», с одной стороны, механизмом, обеспечивающим её стабильность и общие условия воспроизводства; с другой стороны, механизмом индивидуальной приспособляемости к инновациям.

Первый механизм представляет собой нормативную базу социально значимой деятельности, определяющей сущность конкретной цивилизации. Последнюю мы трактуем как способ взаимодействия носителей разума с окружающей средой.

Цивилизация призвана обеспечить оптимальные условия для развития системы определённых технологий, фиксируя в экономических системах, возникающих на базе однотипных технологий, нечто общее. Если ограничиться этим общим, можно скатиться к технологическому детерминизму, чем, как известно, «грешит» ортодоксальный институционализм.

Вторым механизмом, отражающим *индивидуальное* начало каждого социума, его нормы поведения, правила жизни, традиции и привычки, духовные ценности, наконец, его историческую судьбу, является культура как «выработка человека и человеческого общежития», по выражению В.О. Ключевского [3].

Цивилизация устраивает нашу жизнь, делает её удобной, приятной. Культура «ответственна» за другое – постоянную неудовлетворённость достигнутым, поиск достойного для души, а не одного только тела. Человек культуры – душевно-духовное существо, человек цивилизации – целерациональное существо.

Культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. В России бывшие коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки – в богачей, но русские при всём желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы – армянами. Религия разделяет людей ещё более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полуфранцузом и полуарабом и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином.

Ответственность за успех перехода к новой цивилизационной модели несёт культурное ядро (точнее культурно-духовно-религиозное ядро, или матрица), вырабатываемое веками, гарантирующее самоидентичность социума и определяющее способ реагирования общества на инновации. Культурное ядро может позволить (и даже обеспечить) адаптироваться к новым условиям, а может и заблокировать этот процесс, если система защиты от трансформации сильнее воздействия со стороны внешней культурной среды. В качестве аналогии напрашивается одна из гипотез вымирания древних рептилий. Почему вымерли гигантские ящеры? Похолодание климата вызвало утолщение стенок яиц в качестве защитной реакции от вымерзания зародыша. Однако птенцам оказалось не под силу взломать более толстую скорлупу.

Авторы считают, что традиционная трактовка (культура народа складывается и функционирует в зависимости, прежде всего, от экономических и политических обстоятельств) переживает парадигмальный поворот, который в математической формулировке будет выглядеть так: от формулы $K = f(\text{Э}, \text{П})$ мы переходим к формуле $\text{ЭП} = f(K)$ (где K – культура; Э – экономика; П – политика; f – функция, указывающая на характер взаимозависимости указанных величин) [4].

Культура, раз сформировавшись, начинает выступать как относительно независимая переменная среди факторов социальной жизни. Эталоном оценок тех или иных ценностей являются, с одной стороны, социальный опыт, а с другой, видимо, архетипы * данной культуры, сформировавшиеся в период выживания этноса, народа, рода и т.д.

* *Архетип* – в позднеантичной философии прообраз, идея; по К.Г. Юнгу – изначальные, врождённые психические структуры, образы, составляющие содержание коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, сказок и других созданий фантазии, в т.ч. художественной.

Культурологические идеалы западного типа восходят к полисной (городской) организации власти в Древней Греции, предполагавшей обязательность участия граждан в решении общих вопросов, а также к римскому праву, утвердившему гражданский суверенитет личности. Огромное влияние на их содержание оказали и религиозные ценности христианства, прежде всего протестантской и католической его ветвей. Специфика же восточных норм и традиций коренится в особенностях жизнедеятельности общинных структур аграрного азиатского общества, формировавшихся под воздействием ценностей арабо-мусульманской, конфуцианской и индо-буддийской культур.

Что касается опыта исторического развития России, то он складывался в условиях «пограничности» между Европой и Азией (Западом и Востоком), между оседлостью и кочевничеством. Данная «пограничность» чревата либо предельным синтезом несоединимых крайностей («всеединство»), либо предельной поляризацией целого, т.е. драматическим расколом, непримиримой конфронтацией смысловых полюсов, что придаёт самому менталитету устойчивое качество «смысловой неопределённости». «Какую же мудрость излучает Космос России, - спрашивал Г. Гачев. – Россия – «мать-сыра земля», то есть «водо-земля» по составу стихий. И она – «бесконечный простор». Беспредельность – аморфность» [5, с. 206].

Отсюда и знаменитый русский «авось», означающий в конечном счёте надежду на стихийное стечение обстоятельств, в результате которого все проблемы разрешатся как бы сами собой, и традиционная вера в чудо, в неизменность традиций, в благость природы, в величие государства, подчиняющего себе личность, и апология жертвенной любви и долготерпения.

Другая особенность архитектоники российской цивилизации – тоже следствие её «пограничности» – *бинарность*: система сдержек и противовесов, рождающая конструкцию «взаимоупора». Последний, соединяя противоположности в «невозможное единство», постоянно держит общество на грани срыва, а нередко и взрыва. Каждая интенция в культурах бинарного типа уравновешена своей противоположностью, без которой не имеет смысла, как показал Ю. Лотман.

Несмотря на это, подобное силовое равновесие противоположностей непрочно; оно сменяется культурным взрывом, разрушающим статус-кво ценностно-смысловой системы и социальную организацию цивилизации. Это свидетельствует о её социодинамической напряжённости, поддерживающей в культуре установку на ожидание внезапных и резких перемен, готовность к предстоящей ломке образа жизни и мировоззрения. Склонность русской культуры и российской цивилизации к взрывным ситуациям и состояниям подтверждена событиями последнего десятилетия прошлого века.

Социокультурные основания сегодняшней России *коммунитарны* (ценности восходят к общинному коллективизму и обуславливают приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности, а в конечном счёте, – доминирование государства в регулировании общественной жизни над механизмами самоорганизации общества). Отчасти это обусловлено советским прошлым, когда в ходе противостояния капиталистическому Западу, СССР апеллировал к «пробуждающемуся» от колониального гнёта и традиций азиатского феодализма Востоку и всё более проникался идеями и принципами восточных культур, господствовавшими в республиках Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, Поволжья, регионов Урала, Сибири, Севера и Дальнего Востока [6].

Перспективы инновационного развития такого общества весьма проблематичны, но не безнадёжны. Отечественные социокультурные координаты делают ставку на главенствующую роль в политике элит и государства, тяготеют к авторитарному типу правления, поиску харизматического лидера, нежели признают индивида главным субъектом и источником политики, вырабатывают отношение к государству как к институту, зависимому от гражданского общества. Поэтому успехи или неудачи (в ещё большей степени – целеполагание) государственной социально-экономической политики оказывают гораздо более сильное воздействие на общественное само-чувствование, нежели в странах западного типа.

Николас Эберстадт, экономист и демограф, в течение нескольких десятков лет пытался найти ответ на вопрос, почему жители Российской Федерации умирают в таких количествах и с такой скоростью, с которой не умирало население ни одной страны в мирное время. Рост смертности в России невозможно объяснить ни одним из обычных факторов: ни динамикой дохода на душу населения, ни так называемыми болезнями образа жизни, ни состоянием окружающей среды. Н. Эберстадт предположил, что «русская болезнь» носит психологический характер и сводится к *отношению и подходу*

к жизни; если попытаться подобрать медицинский термин, то это *вопрос душевного здоровья*. Пессимистические настроения в российском обществе, несмотря на рост благосостояния, объясняются утратой веры в *правду*, т.е. торжество справедливости и нравственности [7].

В кризисе 90-х годов прошлого столетия произошло не нравственное обновление, а разрушение нравственности экономической системы, потеряны моральные и нравственные ориентиры. В результате российская экономика стала развиваться не в интересах большинства населения, а в интересах немногих. Такое развитие в принципе не может быть устойчивым.

В чем проявляется разрушение нравственности и потеря устойчивости экономического развития?

Мы пьем недопустимо много, и потребление алкоголя постоянно растёт. Ещё в середине 80-х гг., когда мы потребляли 9 литров чистого спирта на душу населения, социологи сделали прогноз, согласно которому через 100 лет население страны выродится, генофонд её будет непоправимо испорчен.

Нам предстоит решить очень важную, но и очень сложную долгосрочную задачу - создать инновационную модернизированную экономику, осознавая, что цены на традиционные энергоносители могут уже никогда не быть высокими.

Мы убеждены в том, что сегодняшний общественный климат, сформировавшиеся нравственные нормы не позволят создать в России инновационную экономику ни к 2020-му, ни к 2050-му году [8].

Без изменения отношения людей к своей жизни любые реформы вырождаются в некое подобие технических приёмов. Люди должны получить ощущение защищённости. Поэтому на повестке дня не просто выход из очередного кризиса, не только инновационно-модернизационный прорыв, но (и это главное) – создание нравственной экономики как гаранта любых реальных позитивных трансформаций общества.

Что такое нравственная экономика? Мы разделяем точку зрения А. Миняйло, что она является новым типом хозяйствования одухотворённого человека и общества, живущего по духовным законам [9]. Исследования в области нравственной экономики в России ещё только зарождаются. Их результаты освещены в работах В.М. Симчеры, Д.С. Львова, С.Ю. Глазьева и др. [10–12].

Нравственная экономика – это вызов доминирующей в настоящее время реальности, выросшей из неolibеральной экономической теории. Переход к нравственной и модернизированной экономике сопряжён, по нашему мнению, со следующими моментами.

Во-первых, следует признать наличие парадигмального поворота в трактовке культуры, о чём мы писали выше. И все разговоры о том, что вначале необходимо решить экономические проблемы, и лишь затем духовные – неправомерны, если выразиться строже, – пагубны.

Во-вторых, социально-экономические процессы конца XX – начала XXI веков в странах мирового сообщества показали, что без радикального изменения типа хозяйствования нравственную экономику в преобладающем большинстве стран мира не удастся создать. На «Саммите развития тысячелетия» борьба с бедностью была провозглашена первоочередной глобальной целью, для реализации которой главы стран-членов ООН обязались к 2015 году снизить на 50 % долю людей, живущих в нищете и голодающих. Однако борьба с бедностью в рамках программы ООН обернулась её ростом более чем на 20 %. России эта проблема известна не понаслышке – на протяжении 90-х гг. прошлого века в стране резко увеличилось количество населения с низким уровнем жизни.

В-третьих, органам власти всех стран предстоит взглянуть с нравственных позиций на будущее развитие своих экономик с учётом их исторических, религиозных и культурных традиций.

Свой путь должны пройти все институты общества в тесном взаимодействии: общественные организации, бизнес, органы власти, церковь и другие духовные организации. Общественные организации должны помочь сформировать способность граждан решать возникающие экономические и нравственные проблемы в своём ТСЖ, своём квартале и в своём районе - в соответствии с интересами своих членов и базовыми ценностями общества.

Властям всех уровней предстоит законодательно закрепить новые нормы поведения и создать условия для их неукоснительного соблюдения, а гражданскому обществу предстоит научиться контролировать власть.

На первый взгляд может показаться, что самый простой и быстрый путь - провокация культурного взрыва заданной направленности, вызывающего смену культурно-исторической парадигмы.

Однако исторический опыт свидетельствует о том, что «взрывные» смены культурных механизмов в России сопровождались Смутным временем, «бунташностью», кровавыми революциями и войнами. «Лучшие и прочнейшие изменения, - писал А.С. Пушкин, – суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений». Поэтому насущнейшей задачей реформирования российского государства и общества становится мощное развитие национально-исторического самосознания на основе усиления процессов выработки и обращения всех видов социально значимой информации. Только этот путь способен обеспечить радикальные изменения без опустошительных последствий, необходимые для «запуска» механизмов инновационного переустройства общества.

В противном случае население России будет становиться всё малочисленнее и всё менее здоровым, причём трудоспособное население - в особенности. Россия станет одним из малонаселенных и нездоровых регионов мира.

Литература

1. Блинов А.О., Сидорова А.В. Проблема бедности в России и на Украине // Экономист. 2006. № 6. С. 62–67.
2. Игнатова Т.В., Змяк С.С. Посткризисные особенности реализации государственной политики поддержки труда и бизнеса: региональный аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 78–81.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории // <http://lib.ru/HISTORY/KLYUCHESKIJ/history.txt>
4. Родина Г.А. Культурологические основания инновационного развития экономики России // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2008. № 3.
5. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
6. Родина Г.А. Перспективы инновационного развития экономики России с позиций архитектоники российской цивилизации / Экономическая теория в XXI веке – 7(14): Инновационная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, И.В. Шевченко, Л.И. Дробышевской, Е.С. Зотовой. М.: Краснодар, 2008. 537 с.
7. Эберстадт Н. Русские вымирают из-за депрессии // <http://snob.ru/fp/entry/4162>
8. Блинов А. Формирование имиджа России как инструмент управления ее развитием // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 7. С. 28–34.
9. Миняйло А.М. Интеллектуальная личность без знания основ фундаментальных наук невозможна // Дискуссия. 2013. Вып. 8 (38). С. 6–13.
10. Глазьев С.Ю. Последний шанс на “экономическое чудо” // Наш современник. 2011. № 10. С. 155–159.
11. Львов Д., Овсиенко Ю., Сухотин Ю. Еще раз о реформационном потенциале теории СОФЭ // Российский экономический журнал. 1996. № 9. С. 61–70.
12. Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет. М.: Экономика, 2007. 684 с.

Rodina Galina Alexeevna, Doctor of Economic Science, Professor, Head of Yaroslavl branch; Financial University under Government of Russian Federation (12a, Kooperativnaya St., Yaroslavl, Russian Federation, 150003).
E-mail: yaroslavl@fa.ru

Blinov Andrey Olegovich, Doctor of Economic Science, Professor of Cathedra “General management”; Financial University under Government of Russian Federation (49, Leningradsky Ave., Moscow, 125993, Russian Federation).
E-mail: aoblinov@mail.ru

MORAL ECONOMY IN SYSTEM OF SOCIOCULTURAL COORDINATES

Abstract

The traditional interpretation of the culture of the people as the dependent variable of the economic and political circumstances, the authors contrast the view of culture, which, once formed, is beginning to act as a relatively independent variable among the factors of social life. It determines the way societies respond to innovation. Social and cultural foundation of today's Russia are communitarian. Therefore, the agenda is not just a way out of the next crisis, not only innovation and modernization breakthrough, but (and this is important) - the creation of a moral economy as a new type of management of spiritual man and society as a guarantor of any real positive social transformations.

Keywords: *innovative development, economic growth, socio-cultural traditions of the population, culture, moral economy.*